

Михаил Васильевич БОРИСЕНКО —
доцент кафедры социальных наук
Крестьянского государственного
университета имени Кирилла и Мефодия
(г. Луга Ленинградской области),

УДК 323. 325:941 (571)

ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ В СЕМЕЙНО-ДВОРОВОМ УКЛАДЕ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (РУБЕЖ XIX - XX ВВ.)

АННОТАЦИЯ. Материалы статьи показывают противоречия в развитии семейного строя крестьян Западной Сибири рубежа XIX - XX веков. При усилении социально-этнической диффузии региона осуществлялся переход от патриархальных типов семей к новому типу семей упрощенных форм с личной собственностью домохозяина или других членов семьи, то есть к семье современного характера.

The author tackles family pattern of West Siberian peasants at the turn of the 19th century, focusing predominantly upon the contradictions of its development. As a result of growing social and ethnic diffusion patriarchal family pattern started to be gradually substituted by a simplified family pattern with private properties of various family members. Such pattern was very close to a contemporary type of family pattern.

Развитие сельскохозяйственного производства при новых условиях капиталистических отношений в России 1860-х - 1910-х гг. способствовало размыванию патриархальных основ крестьянского хозяйства и началу «раскрестьянивания» значительных слоев бывших земледельцев. Протекание этих общероссийских процессов имело свои особые черты в Западной Сибири. Целью данной статьи является исследование местных, характерных для конкретных районов губерний Сибири факторов, влиявших на изменения в сфере семейно-дворового строя русских крестьян на уровне их повседневности.

Для показа направления в развитии прежних форм общинного и семейного землепользования приведем материал о дворохозяевах Курганского уезда Тобольской губернии рубежа XIX-XX вв. На одной из мирских сходок по вопросу о «переверстке» земли речь шла об убеждении «супорствующего» домохозяина, которого просили освободить прежний участок для другого общинника.

— «... Оглобля ты этакая, дерево ты стоеросовое! Ну куда ты лезешь? Ведь лес-то тебе, башке деревянной, эвона где отвели! Ведь и за землей-то тебе следовало туда же ехать. А ты, на-ко, уперся, словно баран: «отцовщина, отцовщина!» Ну, что у тебя тут — изба што ли, заимка али что другое?

— Погребушко да колодишко у меня туто-тка! — пытается робко возразить старый владелец. — Вишь, братец ты мой, — еще нерешительнее возражает виновник общего неудовольствия, — словно кабыть тут дедушка и родитель пахали да гоили землю — так оно, кабыть, жалко бросить становье-то старое...» Но тут поднимается общий гвалт, из которого явствует: «Да кабы твой дедушка-то знал, что внук у него будет такой дурак, он бы и не родил тебя. Дедушка-то твой ... эвона какую округу пахал — ему и способно было тут сидеть; ну, а ты-то что будешь тут болтаться на двух душах?!» [1; 93-94].

Подобным образом общинники долго переубеждали прежнего хозяина, не решаясь прямо прогнать его, чтобы не было повода жаловаться, что «общество» кого-либо обидело. По-видимому, в этом споре правота была на стороне общины. Если первый, малосемейный общинник, при оставлении прежней «округи» мог без

труда устроиться на новом месте, то для другого — «многодушного» крестьянина (с большой семьей) будет очевидный выигрыш в приобретении на одном участке всей пашни и угодий без черезполосицы. Приведенный фрагмент живых народных высказываний наглядно отражает с социально-психологической стороны осознание общинниками падения роли важных прежде понятий семейного уклада об «отчине» как наследственном земельном держании.

Главным же признаком видоизменения традиционных семейно-хозяйственных связей в сельской Сибири XX в., бесспорно, стали явления роста еще с 1870-х гг. разделов семей. С 1906 г., когда правительством был взят курс на разрушение крестьянской общины, процедура семейных разделов упростилась. Этому же способствовала новая практика выдачи паспортов, когда замужние женщины получили право получения видов на жительство без согласия мужа или домохозяина. Конечно, в предыдущие исторические периоды разделы также имели место. Но на этапе развития буржуазных отношений крестьянские разделы все более становились следствием преимущественно экономических причин, облеченных обычно в форму личных устремлений к независимости.

В материалах уездных, волостных судов, губернских правлений разных губерний России, как и в высшей апелляционной инстанции — Сенате — содержится немало записей о спорных случаях при разделах имущества и наследства крестьян. Обращает внимание, что с конца XIX в. претензии начинают предъявляться не к посторонним людям, а зачастую к членам своих семейств или родичам, в том числе, отцов к сыновьям или дочерям, к женам, братьев друг к другу и т. д. [2] Подобная картина не была характерна для предыдущих столетий. В качестве примера приведем сведения о распаде большого семейства из дер. Трошиной Новосельсковской вол. Тобольского уезда. На 1914 г. во двора 80-летнего П. Е. Захарова были: его жена, 50-летний сын Андрей с женой и детьми, приемный сын, две дочери, пять родных братьев с женами и детьми, четыре сына брата П. Е. Захарова, его жена и другие — всего 23 человека. После смерти хозяина П. Е. Захарова опекуном большой семьи назначен его сын Андрей. Однако по неясным причинам Андрей умер — это привело к распаду большой семьи [3; 232]. В результате отдельные семейные ячейки получили свои паи из общего имущества. Приведенный и другие факты наглядно показывают увеличение значимости имущественных факторов в сфере семейных отношений крестьян Сибири. Сведения о наследовании или дележе имущества, регулярно приводимые в особых рубриках Тобольских и Томских губернских ведомостей, обычно относятся к зажиточным хозяйствам, хотя изредка встречаются упоминания и о малосостоятельных.

Имущественная дифференциация была тесно связана с началом «раскрестьянивания» в Сибири. Формирование элементов сельской буржуазии шло параллельно с ростом беспосевных дворов, жители которых становились батраками или работниками, бросали дома, уходя на промыслы, в город на заработки. Впрочем, в сельском быту эти процессы несколько маскировались «семейственным» характером эксплуатации: на период найма работник становился как бы членом семейства, питался за одним столом с хозяевами; вместо слова «прислуга», считавшееся у тобольских крестьян унижительным, женщин в услужении и батрачек называли «пособница» [4; 24] и т. д.

«Совещание о нуждах местного сельского хозяйства» констатировало: «Крестьянство разбивается на два слоя, резко противоположных по своим интересам: сильных, захватывающих в свои руки лучшие земли, и слабых, бросающих хозяйства и делающихся батраками; в обществе появляется разлад... вредно отзывающийся на хозяйственных отношениях крестьянства» [5; 208]. Рост или ухудшение имущественного благосостояния могли способствовать ослаблению внутрисемейных связей. К концу XIX в. в качестве типичных отмечались ситуа-

ции, когда внутри больших семейств крестьян нарастали несогласия как по причинам женского несходства характеров (между снохами, золовками и большухами), так и «из-за нежелания кормить детей мачехи», «не поделив пособия» и т. д. Так, выдачи казенного пособия («пайка») для жен ратников в годы Русско-японской и Первой мировой войн приводили порой к недоразумениям на почве злоупотреблений при дележе властями денежных пособий. Это отразилось во многих прошениях. Солдатка дер. Смолиной (Тарского уезда) Ф. И. Шитова с двумя детьми от первого брака в 1916 г. жаловалась на невыплату за последние месяцы «пайка». Приведя пример с соседкой, имевшей четверых внебрачных детей, Шитова выдвинула главный свой довод: «Не знаю, какая тут есть справедливость закона. Мне на законно прижитых двоих детей препятствует, а другим совершенно рожденным без мужа закон распространен?» [6: Л. 12]

К началу XX в. появились некоторые новые явления быта, несвойственные предыдущей эпохе. Устройство традиционных крестьянских праздников с начала XX в. стало сопровождаться большим, чем ранее, употреблением спиртного. Свидетельств тому много. Это сообщения очевидцев, это материалы рубрики «Происшествия» в Тобольских и Томских «губернских ведомостях», а также попытки осуществить правительственную кампанию по борьбе с пьянством в 1913 - 1914 гг. Ввод запрета частной винной торговли породил не только самогонование в сельской среде. В отчетах местных чиновников того периода заметно сомнение в эффективности кампании: «... Нельзя уповать на то, что эта мера оздоровит организм мужика, и он не потянется снова к вину, ибо традиционное ведро водки, сопровождающее изстари все проявления личной и общественной жизни крестьянина, как-то: родины, крестины, свадьбы, наделы угодьями, прием поселян и разные предприятия — врезалось в плоть и кровь мужика, и поэтому теперь пока ожидать от него стоицизма нельзя» [7: Л. 98 об.]. Ясно, что пьянство на селе было одной из причин ломки семьи и хозяйства.

Настораживающим администрацию и общественность явлением с начала 1900-х гг. стало распространение хулиганства в сельских местностях. По отзывам из Акмолинской, Приморской областей и Томской губернии, «за последние 8 лет прибытие переселенцев отрицательно отзывается на нравах коренного населения, так как большинство переселенцев идет из мест, где были аграрные волнения...» [8: Л. 171]. В то же время ряд губернаторов считали, что рост хулиганства среди селян обусловлен Манифестом царя от 11 августа 1904 г., отменившим телесные наказания сельских обывателей. Поэтому в правящих кругах Сибири обоснованно констатировали, что хулиганство развилось «в местах скопления переселенцев по линиям железных дорог, в местах сосредоточения ссыльных, рабочих и городского люда, что ведет к росту пьянства» [8: Л. 176 об.].

Ситуацию усугубляло воздействие крестьян-рекрутов, которые все больше возвращались в свои деревни. Приносимые ими новые понятия порой не совмещались с традиционными крестьянскими нормами семьи и брака. Особо заметно воздействие бывших солдат на состояние «нравов» местного населения отмечалось в периоды войн и революций. По докладу Тобольского губернатора за 1907 г., когда с театра русско-японской войны вернулись ратники, «зараженные революционной пропагандой, в селениях начались безобразия: массовые порубки казенных лесов, хулиганство, когда бьют выборных людей, чинов полиции, разбивают окна и дома, отказываются от сбора податей. Местное население терроризировано хулиганами и боится жаловаться. Сверх показанного, здесь водворены сахалинцы-уголовники и политические... Кроме того, около 10 тыс. душ в 1907 г. переселенцев не устроено, что ведет к конфликтам со старожилами» [9: Л. 123]. Аналогичные проявления стихийных действий на селе наблюдались и в 1917 г.

Иная, менее заметная черта сибирского быта рубежа веков — распространение проституции, хотя достоверных данных по такому вопросу почти не имеется. Тем не менее, источники указывают на внебрачные половые связи в Сибири. Записи «женщин вольного поведения» в волостных правлениях заведомо были неполными в силу «специфичности промысла» [10]. По переписи 1897 г. в Сибири и на Дальнем Востоке отмечено лишь 2 мужчин и 233 женщины, «самостоятельно» занимавшихся проституцией. То есть преобладало тайное занятие проституцией. Причем, сильнее это явление было в больших трактовых и торговых селениях. О супружеской неверности говорила развитая терминология партнеров. Женщин Сибири называли «сударка», «гулеванка», «накладушка», «полюбовница», а мужчин — «полюбовник», «милаш», «сударчик», «хахаль» и т. д.

Для предыдущего периода нередким было появление «незаконнорожденных» детей (по статистике Тобольской губернии на 1862 г. из каждых 35 новорожденных детей один был «незаконным»). На 1902/3 г. из каждых 100 новорожденных «незаконных» насчитывалось от 3 до 4 [11; 9]. Если перевести эти величины в проценты, то обнаружится изменение от 0,03 до 3,5%, то есть почти в 100 раз. Ясно, что не следует абсолютизировать статистику с различными критериями подсчетов, где неясно количество внебрачных детей у крестьянок. Но можно констатировать общее увеличение числа внебрачных детей с начала XX в. Это подтверждается локальными данными по приходам Тарского уезда (см. ниже). Так рост случаев супружеской неверности, рост внебрачных детей, разводов и иных явлений расшатывал прежний семейный строй.

В результате влияния этих и иных социальных условий и причин происходили заметные изменения сельского семейно-дворового и общинного строя, хотя прежние формы семьи во многих местах Сибири продолжали сохраняться. По официальной статистике, средняя людность двора крестьян за 1916/17 гг. составляла в Акмолинской области, в Тобольской и Томской губерниях от 5,2 до 6,4 чел. Это говорит о бытовании в массе сельского населения Западной Сибири малых двухпоколенных ячеек типа «родители-дети».

Как итоговый показатель, общий уровень брачности Западной Сибири начала XX в. несколько снизился по сравнению с XIX в., но соответствовал аналогичному уровню Европейской России. Отметим величину брачного коэффициента на уровне конкретных поселений. На основе подсчетов (по метрическим книгам четырех приходов) [12] числа бывших в браке и общего числа жителей определим долю семейных по типичным селам из четырех волостей Тарского уезда. Два из них — волостные центры с преобладанием старожилов, одно (Котелино) — из староселов и последнее — из новоселов.

Таблица 1.

Коэффициент брачности селений Тарского уезда

Селение	1897 г.	1904 г.	1909 г.	1917 г.
Тевриз	39,1	39,2	32,4	31,2
Утьма	53,2	51,1	41,8	32,5
Котелино	48,6	46,4	47,4	47,6
Ильинка	-	-	50	48,8

Динамику брачного коэффициента представляет соответствующая диаграмма.

Таблица и диаграмма отражают как общую тенденцию для всех 4-х селений к снижению коэффициента брачности, так и небольшие, но явные различия локальных вариантов. Если в малых по величине деревнях Котелино и Ильинка уровень брачности сократился незначительно, то в более крупных волостных селам Тевриз и Утьма падение соответствующего показателя выражено значительно сильнее.

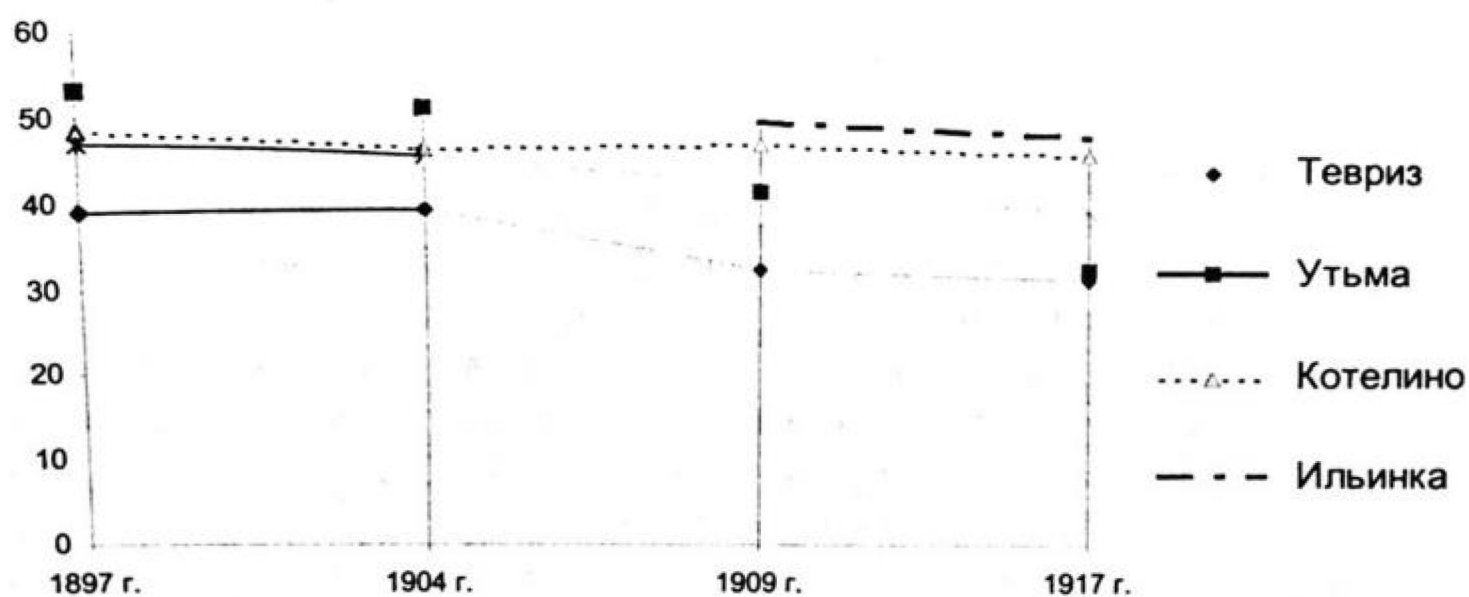

Диаграмма 1. Динамика коэффициента брачности селений Тарского уезда 1897-1917 гг.

Сходное явление отражено у других ученых. Подсчеты по трем приходам Марайской волости Курганского уезда показали понижение коэффициента брачности от 11,2% (в 1897 г.) до 8,8% к 1912 г. [13; 120]. Полученные независимо друг от друга результаты свидетельствуют об определенной тенденции семейного строя крестьян разных мест Западной Сибири.

Чем же объясняется заметное снижение доли лиц, состоявших в браке, к 1917 г.? Это связано, на наш взгляд, не только с мобилизациями многих взрослых мужчин в период войны, но и с условиями социально-экономического развития Сибири периода капитализма — ростом миграций и отходничества, введением всеобщей воинской повинности, разорением части потенциальных женихов и т. д. В 1917-1918 гг. разрушение монархии повлияло на размывание прежних социальных и моральных норм, возросло число лиц, находящихся вне брака.

Наряду с этим, имели место некоторые локальные колебания и отклонения, обусловленные общими и местными социальными факторами. К периоду революционных событий середины 1917 — начала 1918 гг. отмечается резкое увеличение количества заключаемых браков среди крестьян Тарского уезда. Если в 1914-1916 гг. по приходу Усть-Ишимской церкви заключалось около 15 браков, то за 1917 г. их численность составила 37, а по Тавинской церкви наблюдалось увеличение с 13 (в 1916/17 гг.) до 47 к 1918 г. [14] Всплеск брачной активности, безусловно, связан с отпадением различных социальных регламентаций и ограничений. В результате возникла противоречивая ситуация: при повсеместной тенденции к снижению общей брачности населения наблюдалось локальное повышение количества заключаемых браков.

Безусловно, ряд факторов остался за рамками нашего анализа. Это точная степень социального расслоения сельского населения, вес частнособственнических начал во внутрисемейных отношениях, ускорявших семейные разделы, а также значение местных культурно-бытовых традиций.

Наряду с отмеченным выше не следует чрезмерно абсолютизировать значение тенденций к разрушению традиционной семьи в дореволюционный период. Как в крупных селениях, так и в отдаленных мелких деревнях сохранялись общие условия для бытования значительной массы семей большого размера. Особенно справедливо это положение применительно к многопрофильным (земледельческим) домохозяйствам, в отличие от семей с промысловой ориентацией (охотники, рыболовы). Картина преобладавшего традиционного семейно-дворового уклада сибиряков дополняется явлением «тяготения» крестьян, по выражению знатока русской сельской жизни А. В. Пешехонова, к «среднему семейному и хозяйственному уровню». Основная же особенность заключалась в том, что,

несмотря на аграрные реформы второй половины XIX — начала XX вв., внедрявшие элементы рыночных отношений, основы общинной жизни сохранялись. По справедливому высказыванию Б. Н. Миронова, «Коммерциализация не разрушала, а укрепляла крестьянство... Крестьянское сообщество не развивалось, а усложнялось в рамках традиционных принципов» [15].

Обратимся к итоговым оценкам изменений, наблюдавшихся в собственно семейной сфере. В соответствии с теорией трех глобальных исторических типов воспроизводства населения, разработанной А. Г. Вишневским к разным историческим эпохам [16], целесообразно использовать понятия о традиционном типе воспроизводства (эпоха феодализма) и современном или рациональном типе (в России — период со второй половины XIX в.). Для традиционного типа в период превращения аграрной экономики в индустриальную относительное демографическое равновесие достигалось, в общем, путем высокой рождаемости и несколько менее высокой смертности. Материалы по истории крестьянства России XVII — начала XX вв. демонстрируют весьма высокую рождаемость и смертность, наличие ранних браков и высокий уровень брачности в крестьянской среде. Движение от одного к другому типу воспроизводства в литературе определяется как «демографический переход».

В целом реорганизация структуры семейных связей рубежа XIX-XX вв. осуществлялась в Сибири в условиях развития товарно-денежных отношений, роста переселенческого движения при усилении социально-этнической диффузии (рост отходничества, призывы в армию мужчин в 1914-1917 гг. и др.). В силу названных социальных условий подвергались значительной деформации прежние обычаи патриархальной семьи (доминирование «большаков», подчиненность женщин и подростков, скованность нуклеарных ячеек внутри крупных семейных гнезд). Интерпретация источников дает основания сделать вывод об осуществлении перехода от стадии традиционной русской крестьянской семьи, объединявшей в рамках патриархальных отношений несколько поколений родственников и строившейся на обычноеправовой основе при общем хозяйстве (коллективная собственность на двор и совместное потребление продуктов) — к семье упрощенных форм с личной собственностью домохозяина или других членов семьи, то есть к семье современного типа. При этом среди крестьян отдельных местностей Тарского уезда за 1917 — начало 1918 гг. наблюдался всплеск брачной активности. Таким образом, сложный характер изменений семейного строя был связан, не только с множественностью социально-политических факторов, но и с локальными колебаниями количества заключаемых браков при общей тенденции к снижению брачности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А. К вопросу об общинном землевладении в Сибири. Миасский завод, 1916. 114 с.
2. РГИА. Ф. 1344. Оп. 22. 1892 г. Д. 797 По жалобе опекуна дочери кр. дер. Разсохиной И. Чебыкина; Оп. 143. 1900 г. Д. 671 Жалоба переселенца пос. Благодатного О. Фирсова о выделе из семьи; Д. 697 О денежных исках крестьян Слободчиковской вол. Зубаревых, Сазоновых, Вязиковых.
3. Лебедева А. А. Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — начало XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 223-235.
4. Маляревский Г. Я. Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1917. Вып. XXVIII. С. 1-34.
5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. - СПб., 1903. Т. LIII. Тобольская губерния. 426 с.
6. ГАОО. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Прошения ратников.
7. ТФ ГАТО. Ф. 335. Оп. 1. Д. 26.

8. РГИА. Ф. 1291. 1912 г. Оп. 54. Д. 125. Ч. 1. О хулиганстве.
 9. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. 1912 г. Д. 1752.
 10. Зверев В. А. Признаки дезорганизации общины и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX — начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII - начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 62-79.
 11. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900.
 12. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2657, 2660, 2589; Ф. 156. Оп. 20. Д. 325, 333, 334, 355; Ф. 154. Оп. 12. Д. 462. Л. 309 - 313; ТарФ ГАОО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
 13. Свищев П. А. Брачность крестьян Южного Зауралья в конце XIX — начале XX вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1994. Вып. 7. С. 117-123.
 14. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 20. Д. 355, 356.
 15. Миронов Б. Н. [Рец. на кн.: А. Джоунс. Россия в период поздней империи. Интерпретация: три взгляда, две культуры, одно крестьянство] // Отечественная история. 2000. № 5. С. 203.
 16. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

*Ксения Владимировна ЛОБАНОВА —
 студентка IV курса кафедры
 отечественной истории Института истории
 и политических наук ТюмГУ*

УДК 94 (571. 12)

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено изучению крестьянской семьи XIX — начала XX вв. Включены различные материалы, раскрывающие основные черты внутрисемейных отношений, тенденции их изменений.

Having attracted archive documents the author studies the peculiarities of a peasant family at the turn of the 19th century.

Известно, что сейчас одним из развивающихся гуманитарных исследовательских направлений является фамилистика — наука о современной семье. Успешное развитие исследований о современной семье предполагает основательное знакомство с ее историей.

Западносибирский регион (в контексте данной работы — это Тобольская губерния) имел прочные внутренние экономические связи и определенную специфику во всех областях жизни, которая существенно отличалась от других территорий страны [1]. Такая специфика характерна и для внутрисемейных отношений.

Цель данной работы — выявить основные черты внутрисемейных отношений крестьян в Тобольской губернии, проследить динамику и изменения, происходящие с течением определенного времени.

Для изучения данной темы были привлечены материалы различного содержания. Среди них можно выделить: 1) литературу по данной проблеме; 2) опубликованные источники (периодическая печать — Тобольские епархиальные ведомости; Сибирская торговая газета; Сибирский листок); 3) неопубликованные источники (материалы суда и следствия; метрические книги церквей — сведения о рожденных, бракосочетавшихся, умерших; ревизские сказки; рекрутские списки; законодательные акты; а также жалобы самих крестьян).

Данная тема содержит два аспекта: 1) взаимоотношения супругов между собой; 2) родители и дети.

Взаимоотношения супругов между собой. Жена ставилась государством в зависимость от мужа. За мужем признавалось главенство в семье.